

Секция «Конфликты в "цифровом обществе": природа, специфика, механизмы решения»

Мемориальные конфликты в цифровом пространстве: генезис и специфика

Научный руководитель – Федорова Мария Михайловна

Белов Сергей Игоревич

Сотрудник

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия

E-mail: Belov2006S@yandex.ru

Понятие «мемориальный конфликт» обладает достаточно сложной природой, что существенным образом затрудняет его исчерпывающую интерпретацию. Подходы к его истолкованию роднит общность следующих конвенциональных элементов. Мемориальный конфликт рассматривается как проявление на практике противостояния нескольких мнемонических акторов (также именуемых акторами политики памяти), связанное с существенными расхождениями в трактовке и позиционировании событий прошлого, которые в обязательном порядке имеют для участников противостояния ценностную окраску. Именно наличие последней составляющей отделяет мемориальный конфликт от научной дискуссии: участники последней ведут спор относительно фактов и моделей их интерпретации, но не рассматривают их сквозь призму системы ценностей, не применяют метод «наклеивания ярлыков» и лишают свои оценки эмоционального наполнения.

Мемориальный конфликт также обладает такой специфической чертой, как тенденция к выходу за рамки пространства исторической памяти (или социальной памяти). Участники противостояния обладают возможностью использовать против оппонентов разнообразные санкции и активно используют ее (или угрозу ее применения) как инструмент давления. При этом речь идет не только о конвенционально-правовых формах репрессий (экономическом бойкоте, отказе от конкретных форм военно-политического сотрудничества, закрепление в законодательстве уголовной и административной ответственности за декларацию определенного мемориального нарратива). Так, формой санкций может выступать, например, разрушение или осквернение мемориалов, созданных противоположной стороной конфликта [1; 5; 6].

Для возникновения мемориального конфликта должны быть выполнены несколько условий:

- в рамках единого информационного пространства должна быть осуществлена трансляция разными акторами нескольких кардинально отличающихся вариантов мемориального нарратива относительно одного и того же события или явления;
- конфликт моделей интерпретации прошлого должен выстраиваться вокруг ценностно окрашенных и потому эмоционально значимых символов (событий, личностей и пр.) [3; 7];
- в роли потенциальных участников дискуссии должны выступать макросоциальные корпорации (национальные, расовые, профессиональная, возрастные и т.д.) [2; 4].

Специфика мемориальных конфликтов в цифровой среде проявляется в первую очередь в форме их высокой интенсивности. Этому способствуют, во-первых, возникновение эффекта «эхо-камеры» в закрытых и полужакрытых сетевых сообществах, во-вторых, отсутствие сплошной модерации контента и низкая степень интереса администрации большинства социальных медиа к мемориальной повестке, в-третьих, относительно низкая степень риска столкнуться с санкциями (в первую очередь, неформальными) даже в случае декларации наиболее радикальных точек зрения в нецензурной форме [4].

Упомянутые обстоятельства, наряду с возможностью анонимного участия в дискуссии, обеспечивают более высокую степень искренности участников конфликта. Равным образом данные условия способствуют развитию «по спирали» эскалации противостояния.

Отличительной особенностью мемориальных конфликтов в цифровом пространстве также является низкая степень рационализации. В большинстве случаев попытки привести в противостояния элементы научной дискуссии (отсылки к эмпирическим данным, попытки выстроить аргументацию в соответствии с законами логики) не дают какого-либо эффекта. Причина этого заключается в том, что мемориальный нарратив в данном случае выступает в качестве средства обоснования политических, исторических, расовых или этнических мифов, и соответствующие модели прошлого являются скорее разновидностью гражданской квазирелигии. Речь идет не о знании, а об убежденности в чем-либо. Помимо того, зачастую знания сторон основываются на опыте либо авторитете старших родственников, что также перечеркивает перспективы перехода диалога в формат научной дискуссии: чувство эмпатии по отношению к кровным родственникам автоматически переводит обсуждение в поле эмоциональных оценок [6].

Таким образом, мемориальные конфликты в цифровом пространстве отличаются более высокой степенью интенсивности и «токсичности», благоприятные условия для эскалации и в то же время наличие меньшего числа факторов-регуляторов, нежели в случае оффлайн-коммуникации. За счет этого цифровые мемориальные конфликты приобретают большую угрозу для общества, нежели аналогичные противостояния в традиционных формах.

Источники и литература

- 1) 1. Беньямин Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории // *Ab imperio*. 2001. № 1-2. С. 141 – 165.
- 2) 2. Ивашевский С.Л. Политика памяти в российском образовании // *Философия образования*. 2016. № 1 (64). С. 92 – 101.
- 3) 3. Крюков А.В. Государственная политика памяти как пространство диалога и фактор национальной консолидации // *Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи Сборник научных статей*. Москва; Краснодар, 2015. С. 7 – 26.
- 4) 4. Линченко А.А. Политика памяти как фактор социальной трансформации // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. С.1 – 18.
- 5) 5. Наурызбаева М.М. Коллективная память и историческая политика // *Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы*. 2015. № 6. С. 7 – 11.
- 6) 6. Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // *Философские науки*. 2015. № 5. С. 24 – 33.
- 7) 7. Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // *Новое прошлое / The New Past*. 2016. № 1. С. 100 – 129.